

С ней связан образ русской дороги, русской тройки. (А последняя после Гоголя — символ России. Образ России как тройки, летящей в пропасть, воплощен в 1-й части рахманиновских „Симфонических танцев“.) Метель в данном тексте я понимаю как очистительную стихию. Метель как Покров, очищающий душу от земных страстей, готовящий ее к Переходу в жизнь иную. Метель — снежный вихрь. Снег гасит огонь земных страстей. „Любовь земная“ часто сопряжена со страстью. Любовь-страсть — это любовь-болезнь («Но узнаю по всем приметам *болезнь любви* (выделено мною. — В. Ч.) в душе моей»). Но человеку в земной жизни трудно прожить без такой любви. Искушение ею посылается очень многим. И потому „лишь тот уснет, кто знал любовь“, т. е. тот, кто в земной жизни познал „любовь земную“ во всей ее полноте, но смог освободиться от страстей и уже жаждет покоя — „тому метель как сон желанна“».

Возникает ряд вопросов, касающихся исполнения «Романса» с поэтическим текстом. Должен звучать хор или пусть поет солирующий голос? Можно ли исполнять это лишь в сопровождении фортепиано, или важно сохранить всю оркестровую ткань? С этими вопросами я обратился к своим друзьям — профессиональным музыкантам. Один из возможных вариантов исполнения «Романса» с моим текстом был предложен В. Чайкиной, которая считает, что в идеале здесь помимо хора нужны два солиста (мужской и женский голоса), и тогда можно реализовать тембровую драматургию музыки Свиридова.

Мое общение с Георгием Васильевичем продолжается, несмотря на то, что он ушел от нас в 1998 году. Есть несколько лестных для меня свидетельств в связи со свиридовскими отзывами о моих поэтических писаниях. А в одном его блокноте (начала 1990-х) на вырванном листке директором Свиридовского фонда Александром Белоненко, племянником композитора, найдена в 2016 году следующая записка: «Ответ Станисл. Алдр. Минакову — подробный».

Но письма от Георгия Васильевича я не получил. Иногда ответа приходится ждать очень долго.

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Вячеслав Пьецух. 2016: Рассказы. Повести. Эссе. М.: Зебра Е, 2017. — 416 с.

Герои произведений Вячеслава Пьецуха 2015–2017 годов — жители России из разных социальных слоев, «чудики», так хорошо знакомые нам по творчеству В. Шукшина, люди со своей философией жития и вытекающими из этой философии последствиями. «Отрезанный ломоть от нашего, фигурально выражаясь, народного пирога», провинциал, который впервые попал в Белокаменную и потерял память под воздействием толкотни и гомона на площади перед Курским вокзалом. Завлабораторией некоего сверхточного анализа, отказавшийся под давлением «каких-то мужиков с автоматами» подписать бумагу о банкротстве института и передаче всей его движимости и недвижимости администрации Липецкой области, за что и попал в сумасшедший дом. «Весь Ученый совет эту бумагу подмахнул, я один уперся рогом, на чем, как видите, и погорел». «Гражданин Луны», Ваня-Недотепа, после ряда злоключений покинувший Россию, ибо в «России жить нельзя». И вот он в Париже: «отрешенно посиживает на грязном стеганом одеяле, постеленном поперек тротуара, перед ним пластиковый стаканчик с мелочью и между ног полбутылки дешевого розового вина. На лице у него какое-то загнанное выражение, словно ему когда-то загадали мучительную загадку, и он по сей день ее не в состоянии разгадать». Студенты, что в кон-

це XX века из-за разногласий во взглядах на русский народ затевают дуэль из орудий с резиновыми пулями. Электросварщик, что постигает теорию литературного дела и, штудирюя историю России XVIII века, «бабьего века», изобличает гендерную подоплеку государственной власти. В забегаловке на Арбате, за преферансом на даче, в застолье на деревенской дороге, в психиатрической лечебнице «чудики» ведут беседы мировоззренческого характера. Уникальна ли русская нация, или она не лучше, не хуже других? За что можно пострадать в России, и всегда ли справедливо наказание? Что есть совесть, продукт чисто российского происхождения, и откуда она взялась? Порядочный человек — это диагноз? Отклонение? Или как? Русскому человеку, герою Пьецуха, внятно все: немецкий романтизм и сказки Гофмана, наследие Мирабо и открытия Павлова, смыслы переписки Петrarки и Боккаччо и политика Меркель. Непонятным остается разве что бесследное исчезновение грузового состава из сорока четырех цистерн питьевого спирта, предназначенного для работяг Кольского полуострова. В. Пьецух в яркой художественной форме исследует особенности национального характера и национального самосознания, из которых и проистекают парадоксальность русского способа бытия и превратности русской истории. Его творческое кредо четко обозначено в его высказываниях: «Россия — что мать родная. Какая есть, такая и слава богу»; «потому что нации более утонченной, более взрослой, драматически мыслящей и существующей драматически, чем российская, я не знаю. Западный человек — это большое дитя, поэтому он мне неинтересен...»; «и вдруг тепло делается на душе из-за кровного сродства с этими чудаками, которое, кажется милее принадлежности к сонму преподобных подвижников и святых». «Политика и литература — все же две вещи несовместные», — сказал однажды В. Пьецух, но желанной самоизоляции от российской действительности все-таки нет. С сарказмом он изображает революционных искателей века XIX, народовольцев, эсеров-боевиков, «что ни своей, ни чужой жизни не пожалеют ради справедливости на земле». Квинтэссенция — рассказ «Армагеддон» (2017), шествие в центре Первопрестольной в начале XXI многообещающего столетия: «Вероятно, при этом у стороннего наблюдателя возникала такая мысль: а в чем, собственно дело, за что ратуем. Против чего вздымаем неокрепшие голоса? Если за свободу ратуем, так ее и так девать некуда, по радио новости уже чуть не матом передают... Если против самовластья, то лучше уж самовластье, чем противостояние „стенка на стенку“, столь любезное нашему русаку. Если за демократию, то избави нас бог от этой химеры, и так в осатаневшей России каждый второй избранник либо проходимец, либо дурак. Если против вора, то что ты поделаешь с народом, который выдумал пословицу: „Грех воровать, да нельзя миновать“... и ведь невдомек стороннему наблюдателю, что новая поросль москвичей демонстрирует не за свободу слова, а за весну, молодость, свежесть, радужные надежды и жизнь без конца и без края, которая, назло диалектическому материализму, простирается впереди. Удивительно только, что среди протестантов бывает немало людей преклонного возраста». Финал рассказа — русский север, где после третьей мировой бойни выживают два русских солдата и американский морпех, единственный оставшийся в живых из всего десанта, высаженного в заливе Шелихова на Охотском море. Прозу Пьецуха критики называют «неспешной, витиеватой и умной», а жанр его произведений условно обозначают как «новая волна», «альтернативная литература» или «иронический авангард». Сам он считает себя традиционалистом и писателем жизненным, и — «может быть, то, что я делаю, — это иронический реализм?» И хотя в заключительном эссе «Скорбный лист» (2017) В. Пьецух ставит неутешительный диагноз русской литературе начала XXI века и ее читателю, он все равно уверен, что «литература — это огромная сила делания человека, способная бороться с нечеловеческим в человеке».

Виктор Бердинских. Письма из Петрограда: 1916—1919 (эпистолярный роман). СПб.: Издательский дом «Петрополис», 2016. — 552 с.

Советская эпоха 1920—1930-х годов была беспощадна к частной жизни людей в России: за любые «компрометирующие бумаги», фотографии, письма можно было поплатиться свободой, а то и жизнью. Поэтому переписка дочерей петроградского художника Алексея Юдина, Софьи (1895—1942) и Елены (1902—1942), датированная 1916—1919 годами, — уникальный и единственный в своем роде источник по истории Петербурга времен революции 1917 года и Гражданской войны. Столичных барышень связывала с юной провинциалкой, вятчанкой Ниной Агафониковой трогательная дружба. Особенно близки по возрасту, образованию, талантам, душевным склонностям были Софья и Нина. Семейство Юдиных переехало в Петербург из Вятки в конце XIX века. До Первой мировой войны жизнь и быт семьи Юдиных в столице складывались вполне благополучно, удалось даже скопить «изрядную» для разночинцев сумму и приобрести именье, «дачу» в Валуяхах, в Воронежской губернии. Туда, «на Поляну», семья отправлялась на «летние вакации». В письмах 1916 года отражено спокойное, мирное течение жизни интеллигентных девушек: учеба, занятия музыкой, отчеты о посещении музыкальных концертов, отношения с близкими, напряженная жизнь ума и сердца. В письмах проявлялся характер сестер: постоянные сомнения Софьи и недовольство собой; яркая, оптимистичная, лишенная комплексов неполноценности натура Лены. Обе сестры творчески одаренны, об этом свидетельствуют и их прозаические и стихотворные тексты, включенные в письма. Будучи аполитичными, восторженно встретили крушение монархии: «думается, что впереди всем будет лучше жить, свободнее, легче... В одну неделю переворот: из монархии почти неограниченной, из отсталой формы правления — в республику! Удивительно и хорошо!» Проблемы с учебой у Сони, «но зато кругом — равенство и свобода!» А случайная встреча с «умницей» Керенским вызывает восторг. 1917 — последнее лето в «Поляне», потом туда будет не ехать, а в 1919 году ее сожгут. Осенью 1917-го начнутся трудности и тревоги. Письма о себе и для себя постепенно выстраиваются в историческую хронику Петрограда времен Гражданской войны: убийства на улице, пальба, дороговизна и голод, отсутствие продуктов, хлеба, картофеля, керосина. Обо всем этом девушки подробно пишут подруге в Вятку. Соня, 24 января 1918 года: «У нас тает снег, лужи, скользко. Идти в некоторых местах невозможно, особенно когда стемнеет, а по вечерам везде темно: по одному фонарю на улице. Приходится идти прямо по дороге. У каналов, Невы навалены горы грязного снега, убирают снег мало, по дороге — огромные ухабы, целые горы. В общем, трудно описать — надо видеть все это. Говорят, недалеко от нас (у гвардейского Экономического общества) вчера поздно вечером убили кого-то из нашего дома. Вчера и сегодня ночью — пальба по улицам, вчера — где-то на Вознесенском проспекте громили церковь и стреляли. Публика — привычная у нас: идет себе спокойно — как ни в чем не бывало... Хлеба стало чуть больше, зато сахара нет. Едим конину — совсем хорошо...» Меняется тональность писем, прежние волнения отходят на задний план, начинается борьба никогда не знавших бытовых забот барышень за выживание: временные работы, стояние по очередям, «добывание» еды, поддержание дома. Особенно тяжело стало, когда в 1918 году умерли родители. Но вопреки всем трудностям молодые Юдины пытаются продолжить учебу, занятия музыкой, в живописи находит себя Соня, целеустремленно продолжает музыкальное образование Михаил, ставший в итоге композитором и профессором музыки. Они трогательно заботятся друг о друге, не забывая и о проблемах Нины. И это когда временами нет сил, пухнут лицо и ноги, пошаливает сердце. И пишет Елена: «Весь ужас-то не в том,

мы больны, потеряли все человеческое умение верить, любить, говорить не о еде». Выжить Юдиным помогла помощь Нины — регулярные посылки из Вятки с сухарями, с мукой, с картошкой, с крупами; редкие посылки оттуда же от дяди, Гени Рылова и даже от сына сторожа из Валуек. И, конечно, постоянная опека Аркадика, младшего брата матери, известного художника Аркадия Рылова (1870—1939), также оставшегося в Петрограде. Более 200 писем, из них шестая часть — письма Елены. Параллельный взгляд на одни и те же события. Хроника трагической эпохи и история одной петербургской семьи. Трагично и то, что сестры Юдины, пережив голод в Гражданскую войну, погибли в ленинградскую блокаду в 1942 году. В предисловии историк и писатель Виктор Бердинских подробно рассказывает и о семье Юдиных, и о судьбе Нины Агафонниковой, и о том, как сохранились письма. «Письма сестер Юдиных, — уверен он, — не только ценнейший исторический источник, но и литературный шедевр. Живая русская речь, вскоре жестоко преобразованная эпохой, льется к нам необычайной музыкой со страниц этих писем».

Борис Ширяев. Бриллианты и булыжники: Статьи о русской литературе.

Сост. и науч. ред. А. Г. Власенко, М. Г. Талалай. СПб.: Алетей, 2016. — 520 с.: ил. — (Серия «Русское зарубежье. Источники и исследования»).

Оценки непривычные, шокирующие с первой же статьи, Грибоедову посвященной. Молчалин — скромный и упорный строитель России, выросший до П. Столыпина. Скалозуб — «офицер, неплохо показавший себя в войну 1812 года, и, переболев насильственно привитой ему аракчеевщиной, дорос до великого духовного подвига Севастополя (1855)». Чацкий — болтун и бездельник, родоначальник «огромной семьи „лишних людей“, таких же бездельников и болтунов, к тому же Россию не любивших и не понимавших». Среди таких болтунов и Рудин Тургенева, и Бельтов Герцена, «объединенные отказом от национальной работы и служением никому не ведомому „общему делу“. Они проявили себя лишь в огульном, антикультурном, озлобленном всеотрицании — нигилизме». Дальше — больше. Достается Белинскому как носителю идеологии Запада, за которым «шли толпы оголтелых недоучек, верхоглядов, всезнаек», то есть радикальная российская интеллигенция. Достается почитателям «Колокола», отторгавшим российскую действительность: «пером Писарева они подкапывали ее этические основы и верования, упорным тупоумием Чернышевского и присных ему долбили ее эстетику, псевдорусским стихом Некрасова извращали пафос переживаемого ею созидательного периода и призывали к месту (кому?) и, наконец, пером талантливейшего из ренегатов Салтыкова-Щедрина объявили правящее ядро „помпадурами“. Жертвенную русскую армию он назвал „господами ташкентцами“, а весь величавый и трагический ход русской истории был для него лишь „Историей города Глупова“. Так видел этот ублюдок через заплеванное окно своей кареты... Быть может, так и было? Но почему же видели иное Хомяков, Леонтьев, Лесков, Толстой, Достоевский? Или они лгали?» Борис Ширяев (1887—1959), один из самых крупных писателей «второй волны» эмиграции, автор знаменитого свидетельства о Соловецком лагере, книги «Неугасимая лампада», в своих суждениях пристрастен. Как литературный критик он выступает с позиций человека глубоко религиозного, убежденного монархиста по политическим взглядам и человека, неизбежно любящего Россию. Для него главный критерий — «как наше слово отзовется». Он считал, что политика и литература — со времен «Илиады» — неразделимы: «Она входила и входит в жизнь людей, поэтому и не может быть исключена из художественной литературы, отражающей эту жизнь». Он выступал против тех, кто, с его точки, зрения искажал и осквернял образ России, ее историю, религию, культуру, политические устремления. Едино-

мысленников видел в Пушкине с его монархическим мировоззрением, в Крылове, Л. Толстом. Высоко ценил Достоевского как безоговорочного сторонника русского самодержавия, «как национальной формы государственности, наиболее соответствующей и отвечающей требованиям психологического строя народа и его мышления». Из прозаиков XIX века его кумир — Н. Лесков, «русейший русак», который близок Ширяеву «своей великой любовью и глубочайшим пониманием души родного ему народа». Он отдает должное А. Чехову, который поставил диагноз русской интеллигенции и прописал ей как лекарство созидательный труд во имя России. Среди любимых поэтов — А. Фет, Ф. Тютчев, А. К. Толстой, Н. Гумилев, С. Есенин, М. Волошин, из советских поэтов — А. Твардовский. Б. Ширяев внимательно следил за тем, что происходит с литературой и в литературе за «железным занавесом», где таланты зачастую съедались «социальным заказом», как талант Горького, писатели приспособливались, как Эренбург, отказывались от свежих порывов во имя служения лжи, как Паустовский. Но и там появлялись значимые произведения: «Доктор Живаго» Бориса Пастернака — «глубочайшая из эпохальных повестей социалистического периода России», «Тихий Дон» Шолохова — «обвинительный акт большевизму». Огромная заслуга Б. Ширяева в том, что он в своих статьях дал анализ произведениям литературы «второй волны» эмиграции, практически неизвестным на родине, и тем самым сохранил эту часть нашего культурного наследия. В настоящем издании впервые и максимально полно собраны его статьи по литературе и рецензии, отображающие как художественные вкусы и политические убеждения автора, так и детальную панораму русской литературы — классической, а затем эмигрантской и «подсоветской» — середины прошлого века. Тексты, собранные из труднодоступной эмигрантской периодики, издаются впервые в России и сопровождаются научным комментарием и библиографией, а также библиографическим словарем литераторов-эмигрантов. Многие поднятые автором вопросы актуальны и ныне. Например, где грань между национализмом и шовинизмом? Как с помощью подмены общественных требований злободневными фальшивками политиканов происходит принудительное управление читателем и писателем? Или вот сказанное в 1950 году по поводу пасквиля француза де Кюстина, посетившего Россию времен Николая I, пасквиля, высоко оцененного «прогрессивными» интеллигентами того времени: «Дети, внуки и правнуки де Кюстина продолжили его дело... результат их трудов — клеветник де Кюстин во главе русской политики демократического Запада».

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург, Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06
www.lavkapisateley.spb.ru)